

ВЫСОКОЕ НЕБО РОССИИ

БЕСЕДА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ О ПАТРИОТИЗМЕ И НЕ ТОЛЬКО

В гостях у "ЗАВТРА" секретарь Союза писателей России Валерий Николаевич ХАЙРЮЗОВ и депутат Государственной Думы РФ Анатолий Николаевич ГРЕШНЕВИКОВ.

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ. Валерий Николаевич, в начале 90-х, когда мы с тобой были народными депутатами РСФСР и защищали страну от разрушительных грабительских реформ Ельцина — Гайдара — Чубайса, нас называли красно-коричневыми, антисемитами и фашистами. Слово "патриот" тогда было ругательным. Тот наш Верховный Совет расстреляли из танков. Сегодня — наоборот, быть патриотом в России стало модным и престижным. Можешь ли ты отличить патриота от непатриота? Какой смысл вкладываешь в понятие "патриотизм"? И почему в период военного противостояния России с Западом многие молодые ребята бежали за границу?

Валерий ХАЙРЮЗОВ. Видимо, эти люди, даже живя в России, не связывали свою судьбу с судьбой Отечества. Убежали туда, где, как им кажется, сейчас будет безопаснее: в Казахстан, Грузию, Армению, Турцию, Израиль... Понимаю — увидим, что с ними будет дальше. Подобным бегством всегда казалась: за границей они будут приняты, обласканы и, конечно же, станут равными, поскольку образованны, приехали не с пустыми руками, у многих в России осталось своё дело. Но оказалось, что Западу они нужны были в России, когда бегали по Болотным и другим площадям.

Такое уже бывало. Опыт отъезда наших соотечественников "за бугор" начался не вчера. Бежал в Литву близкий соратник Ивана Грозного князь Андрей Курбский, который потом оведал в составе польских отрядов против русских. Александр Герцен, отхваченный в Туманном Альбионе, во время Крымской войны не только обвинял собственное Отечество во всех грехах, но фактически встал на сторону врагов России.

К тому же, не будем забывать, что и в перестроечные, и в лихие 90-е годы, которые сейчас пытаются выдать за святые, всё у нас было ещё хуже. Кто стоял тогда "у руля", кто вешал, как тогда шутили, "из воздуха включённого чайника"? Бурбулины, Немцовы, Шахраи, Шейнисы, Носовцы, Ковалёвы и иже с ними. Откуда все они взялись? Ведь это не были засланные казачки, они родились, росли, учились и жили рядом с нами. Но, получается, не вместе с нами.

Я не раз задавал себе вопрос, как могло случиться, что Дмитрий Волгонок, главный замполит Советской армии, стал одним из разрушителей СССР? Откуда, из какого угла выползли такие фигуры, как директор ФСБ России Бакатин или министр иностранных дел Козырев? И разве за всю тысячелетнюю историю был у нас, кроме Ельцина, такой государственный лидер, который бы, стоя на трибуне американского Конгресса, капитулировал перед ненавистниками русского народа и, не поперхнувшись, брянул на весь мир: "Господи! Благодарю Америку!"?

Во время VIII съезда народных депутатов даже среди тех, кто, словно по команде, выбежал следом за Ельциным из кремлёвского зала, были и мои земляки-иркутяне: начинали "Братскгострой" Анатолий Закопырин, журналист "Комсомольской правды" Игорь Ширококов, водитель (или, как его называли, "депутат из рабочих") Геннадий Алексеев, сорвался с человека "от сохи" — представитель Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, директор совхоза "Баяндаевский" Павел Имедов.

До сих пор жалею, что председательствующий на съезде Руслан Хасбулатов не поставил тогда на голосование вопрос о лишении этих людей их депутатских полномочий. "Бес попутал!" — позже скажет он. Сколько же таких "бесом попутанных" вилось вокруг Ельцина? Голосами этих людей, их стараниями Ельцин и стал той управляемой гирей, при помощи которой было разрушено наше государство.

Повсюду начали останавливаться заводы и фабрики, люди голодали и спивались, а из страны вывозили золотой запас и миллионы тонн сырья. На самом высоком уровне всерьёз заговорили, что надо отдать Южные Курилы Японии, чтобы заключить с ней мирный договор. Именно тогда начали предавать насады прежних союзников и друзей по всему миру. Это стало сигналом для всех сепаратистов и националистов. Именно тогда подняли голову бандеровцы на Украине и националисты в Прибалтике...

И чего сегодня бросать камни только в Ельцина? Мы своими руками его подняли, на своём горбу тащили во власть. Как сказал философ-диссидент Александр Зиновьев, стреляли в коммунизм, а попали в Россию. В самих себя. Это позже многие, словно защитную мантру, начали, оправдываясь, повторять: "Мы за Ельцина не голосовали!" Голосовали, чего уж там! И не один раз! А почему?

Многие видели в Западе рай на земле, где всем доступна свободная и обеспеченная жизнь, где можно ходить в любых джинсах, майках, пуховиках и кофточках, жевать заморскую жвачку, которая освежает дыхание, не стоять в магазинах за продуктами и водкой, смотреть любые фильмы, слушать любую музыку, читать любые книги и журналы, отдыхать на любых курортах мира. А когда средствами массовой информации занялись те, кто ненавидел всё русское и советское, эта масса людей быстро стала расти. Исподволь нас подводили к мысли: всё, что делалось в нашей стране за 70 лет советской власти, — плохо и мерзко на фоне сытой жизни в "свободном мире", и от этого плохого и мерзкого надо побыстрее очиститься, а крутить гайки и возиться в тракторной смазке — дело тех, кто больше и не достоин.

Помню, тогда одним из любимых занятий моих коллег, лётчиков гражданской авиации, было сравнение зарплат зарубежных пилотов с теми, что получа-

ем мы в СССР. Это сравнение было явно не в нашу пользу. Все льготы, которые предоставляло лётчикам государство: бесплатную форменную спецодежду, бесплатные санаторные путевки, бесплатный перелёт, почти бесплатные ясли и детские сады, бесплатное образование, бесплатные занятия спортом, копейчный проезд в общественном транспорте, — всё это не бралось в расчёт. Мой штурман после очередного рейса на бодайбинские прииски, подводя итог, задавал как бы сам себе один и тот же неизменный вопрос: "Может ли наша зарплата компенсировать затраченное время?"

Почему я возвращаюсь в те далёкие годы? Не только потому, что был свидетелем и участником тех событий. Сегодня ответы на многие вопросы надо искать там. И понимать, с какими коварными врагами мы, тогда ослабленные и неподготовленные, схлестнулись в ожесточённой схватке.

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ. Валерий Николаевич, наших врагов мы теперь знаем в лицо. А кто нынче наши союзники?

Валерий ХАЙРЮЗОВ. Александр III говорил, что у России есть два союзника: наша армия и наш флот. Я бы добавил: есть ещё наш язык и наш учитель. Русский язык, русская история стали той объединяющей силой, которая сделала Россию великой. А стало это возможным благодаря русскому учителю.

В 20-е годы в Советской России отвергли традиции русской школы вместе с предметами, учебниками, уроками, экзаменами, отметками и учителями — их заменили "шкрабы", школьные работники. Кстати, такой предмет, как история, тогда тоже отменили. И что же? Прошло 10 лет, началась индустриализация, потребовались специалисты, а не люди, осведомлённые о чём-то в общих чертах. И тогда всё вернуло в прежнее русло: и учителей, и предметы, и уроки, и учебники, и историю, и отметки с экзаменами. Вместо нововведений, взятых из опыта американской школы для фермеров, обратились к проверенным опытом традициям своей национальной школы.

От рождения и до своей кончины мы живём в системе исторических, географических, психологических, экономических, социальных и прочих координат. Нам ещё в лётном училище объяснили: чтобы попасть в нужное время в нужное место, чтобы правильно ориентироваться, необходимы полётные карты. То же самое — и в жизни. Специалисты по информационным войнам уже давно придумали и применяют систему "ложных маяков", основанную на эффекте смещения истины, замены её целенаправленно изменяемым набором "правд" и "правил". Задача при этом одна — заманить, исказить, увести деятельность людей от истинного, нужного курса, сделать их податливыми и управляемыми извне. Например, сегодня это делается через гаджеты, социальные сети, при помощи которых уводят в полон не только отдельно взятого человека, но и целые государства.

Спросите, как отличить ложное от истинного? Что может быть здесь мерилом и правилом? Здесь нужен личный, и не только личный, опыт. Тщательно выверенная подготовка, знание психологии, медицины, собственной истории, и, конечно же, того, как наши враги воздействуют на человеческую психику. Кстати, мелькающая на экранах реклама и клиповая подача информации — это один из элементов массовой психологической обработки населения...

С нашей стороны надо не ждать и не вскармливать негодяев, которые на весь мир начинают кричать, что будут стрелять в своих недавних товарищей и им, мол, всё равно, что останется от России, от Русского мира, руины или ядерный пепел...

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ. Валерий Николаевич, одну из своих новых книг ты назвал "Мы же русские!". А кто, по-твоему, может называться русским? Можешь назвать главное качество, отличающее русского человека от всех других?

Валерий ХАЙРЮЗОВ. Это те люди, которые живут в России, любят Россию и готовы отдать свою жизнь за Россию.

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ. В нашем Союзе писателей тысячи членов, но все ли они русские по духу, по подвижническим делам? Что для тебя означает понятие "русский писатель"? Обязывает ли это понятие к чему-либо?

Валерий ХАЙРЮЗОВ. Прежде всего, русский писатель — это совестливый человек, сын своего Отечества.

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ. В этой же книге у тебя прозвучала такая мысль: "Если спорить, то с Василием Беловым, если молчать, то с Валентином Распутиным". Вопрос простой: о чём ты спорил с Беловым и зачем молчал с Распутиным? И второй вопрос в продолжение этой темы: не ощущаешь ли ты себя одиноким, потеряв таких собеседников? Можешь ли ты с кем поспорить, как с Беловым, и помолчать, как с Распутиным?

Валерий ХАЙРЮЗОВ. Валентин Григорьевич Распутин и Василий Иванович Белов были людьми очень разными и внешне, и по своему характеру, по темпераменту, по жизненному опыту. И как писатели они были разными. Объединяло их, на мой взгляд, то, что они с детства знали крестьянский труд. Оба они писали об этом точно, выверено, не скрывая своей любви к родной земле.

Я не раз заставал Распутина в рабочей одежде, кирзовых сапогах и фуфайке, когда он копал огород, сажал картошку, огурцы, помидоры, морковь, свёклу у себя на даче. Видел и руки Белова, крупные, привыкшие к топору, с сухими молярами и жёстким ружьём. В разговорах, если кто-то пытался навязать

ему свою волю, он сразу же, без оглядки, не расшаркиваясь перед собеседником, бросался в спор, глаза его начинали сверкать из-под седых нависающих бровей — ну ни дать ни взять бульдог, который от своего не отступит и будет трепать, насколько хватит сил. Доверял он больше всего своему уму и сердцу. Да, и не привык проигрывать спор, уверовав, что его мнение — правильное и окончательное. А дальше — твоё дело, согласишься ты с ним или отступишь.

Авторитет среди читателей у него был огромным. Особенно любили его в родной Вологде. Любили за прямоту, за умение сказать правду в глаза тем, кому было не принято её говорить.

Однажды, ещё в советское время, в ходе поездки писательской делегации в Грузию на торжественном приёме Василий Иванович попросил слова. Сравнив жизнь в Вологодской области, где природные условия гораздо суровее грузинских, приведя цены на зелень, яблоки, мандарины, фрукты и добавив, что его землякам при сильных морозах нужны дополнительные расходы на зимнюю одежду, он заглянул в подготовленную им заранее бумажку и назвал бюджеты Вологодской области и Грузии. Цифра для его Вологодчины оказалась в разы меньше, чем для южной и союзной с нами тогда республики.

Распутину в Иркутске уважали, но его замкнутость заставляла людей держаться как бы на расстоянии от него. Да и сам он в объятия читателей не бросался. Наибольшую известность ему принесли полемические очерки о "повороте" северных рек, водой которых наше руководство хотело напоить среднеазиатские республики, а также защита озера Байкал.

Как вспоминал сам Распутин, в период учёбы в Иркутском университете он стеснялся своей одежды, своего безденежья и деревенского языка, но потом понял, что ангарский говор односельчан и есть та кладовая, которую дал ему Господь, которую надо открывать для читателей, а не держать на запоре. Своих героев он пропускал через собственную душу, пытаясь не только разглядеть их характеры, но и для более полного проявления этих характеров столкнуть героев друг с другом, при этом неделя каждого только им присутствиями словами и интонациями. Иногда получалось даже с переключением, про Распутина тогда говорили: где это он находит таких героев, которые говорят и рассуждают, как преподаватели филологического факультета, начиная речь забытыми словами, которые сегодня даже по отдалённым деревням трудно сыскать? Но потом, когда другие критики и филологи начали ставить Распутина на одну доску с Достоевским, притихли.

Иркутянка Галина Витальевна Афанасьева-Медведева — преподаватель, доктор филологических наук, ставшая лауреатом Государственной премии, очарованная ангарским говором героев Валентина Григорьевича, всю свою жизнь положила на то, чтобы собрать многообразие народных говоров Восточной Сибири и поместить под обложку словаря "Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина".

Хочу привести здесь небольшой отрывок из предисловия Валентина Курбатова к этой книге: "Человек как будто на минуту выходит из порядка жизни и смущённо останавливается посреди чужой речи; как хорошо, как ясно и вместе с тем "ново", будто слух сполоснулся: "В ком чё есть, то и будет. И хошь руки ты об его обломой, хошь испачкаешь об нём — он всё возьмёт. Никакой правью не поправишь"... Мы потому так и узнали и полюбили "деревенщиков", что они возвращались нас в полноту дома и Родины, чтобы мы ещё могли наглядиться и ухватиться душой, чтобы не потерять себя в иссужа заезженной новой реальности".

Сегодня Галину Витальевну знают и уважают все, кто любит и ценит русское слово, русскую речь. Её книги — не только памятник Валентину Распутину, но и настоящая кладовая для тех, кто придёт ему на смену.

В своей литературной работе Распутин тщательно, как зёрна, отбирал слова, взвешивая их на невидимых весах. По моим ощущениям и наблюдениям, в своих рассказах и повестях он не раскрывал человека, а как бы ждал, когда тот раскроется сам. Валентин Григорьевич в жизни был не особенно словоохотлив, чаще всего помалкивал. Лучше всего его можно было разглядеть в написанном или напечатанном слове. Если он его поставил, то оно будет стоять крепко и на своём месте.

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ. Валерий Николаевич, однажды на телевидении Василию Ивановичу Белову был задан такой вопрос: "Зачем России нужны храмы? Можно, наверное, сохранить духовность и без них?"

Валерий ХАЙРЮЗОВ. Было такое. У меня даже сохранилась запись той беседы, они вместе с Распутиным выступили на иркутском телевидении. "Русский — значит православный", — ответил тогда Белов. — Русский народ и духовность — неразделимы! Трагическое разделение русского человека и, как следствие, разделение русского народа произошло, когда случился церковный раскол и начало дробиться наше духовное сознание. У нас в Вологде был митрополит святитель Игнатий, который встречался с Александром Сергеевичем Пушкиным. Он говорил, что корень нашей духовности один. И противник у нас один — это атеизм, неверие в Бога нашего и Спасителя. Я у себя в Тимонихе решил возродить храм. Жителей в когда-то богатой и населённой деревне почти не осталось. Но в голове засела и не давала покоя одна мысль, что воскресение единого нашего дома, тела нашего, невозможно без восстановления церкви и прихода. Но для этого нужен первый шаг. Недаром у нас говорят: "Почин дорожке дела". Осмотрел заброшенную церковь, прикинул, что могу сделать один и кого потом попрошу на подмогу, взял лом, то-

пор, пилу и, перекрестившись, принялась за работу. Ещё никогда не работал я с такой охотой, точно Господь мне сам помогал. Кой-где заменил клад, починил крышу, сделал крест. Он оказался тяжёлым, его я вырубил из лиственницы. Но поскольку помощников, кроме Господа Бога, поблизости не оказалось, решил при помощи верёвок поднять крест на купол. Было это после дождя, а я торопился закончить работу. И, поскольку злившись, сорвался! Но Господь и здесь помог, уберёг меня: ободрав руки в кровь, я сумел зацепиться и спуститься на землю. Крест я всё же установил, когда подошло. Поглядел на него издали — стоит крепко, на своём месте. В душе шевельнулось доброе и хорошее чувство: вот стоит начать — и всё получится. Отвечая на заданный вопрос, могу сказать: надо соединить культуру светскую и духовную. Начать со "Слова о полку Игореве". "Слова о законе и благодати" митрополита Илариона и похинокать двигаться дальше...

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ. Ещё лет десять назад Валентин Распутин в Всемирном русском соборе назвал нашу страну колонией, определил и признаки тому: чужая экономика, чужая архитектура, чужие песни, чужая еда и так далее. Есть ли, на твой взгляд, в нашей стране сила, способная изобрести от многолетнего уже колониального пресмыкания перед Западом и вывести Россию на самобытный путь развития? Мы с тобой недавно были на 90-летию Станислава Куняева, замечательного поэта, редактора ведущего патриотического журнала "Наш современник", равного которому в следовании национальным традициям сегодня нет. Путин прислал юбилейную тёплую телеграмму. Был ещё высокий орден от патриарха Кирилла. Но прекрасный творческий концерт Станислава Юрьевича прошёл не в Кремлёвском дворце съездов, а в ЦДЛ, и на экранах телевизоров его не показали. Что касается орденов государственных, то у Куняева нет ни одного ордена "За заслуги перед Отечеством", а смеюся Хазанов — полный кавалер этого высокого ордена.

Валерий ХАЙРЮЗОВ. Станислав Юрьевич Куняев в этих орденах и не нуждается! Он уже получил всё, что необходимо поэту, писателю, издателю в России: признание и любовь читателей, возможность заниматься своим любимым делом...

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ. Настоящий русский патриот, народный артист Александр Михайлов, постоянно выступающий на земле Донбасса, где идёт война с неонацизмом и бандеровщиной, возглавляет надежды на молодых солдат и офицеров. 7 декабря в газете "Аргументы недели" он обнародовал свою позицию: "Они вернутся с фронта и откроют нам новых поэтов, писателей, композиторов. Это не Новороссия, это новая Россия. И когда с войны вернутся сегодняшние парни, они сметут всё наносное, всю пену, заполнившую театр и кинематограф. Дядь Бог нам до этого дожить".

Валерий ХАЙРЮЗОВ. Александр Яковлевич Михайлов прав, они вернутся! И вернутся с победой! Это будут другие люди и уже другая страна. Я уверен, мы до этого доживём. В 1993-м нам казалось, что уже никогда не будет той России, которую мы знали и любили. Но прошло время, долгих 30 лет, пена, правда ещё не вся, схлынула, часть затаялась, часть сбежала. Но воздух становится чище, и появилась надежда и уверенность.

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ. Многие герои твоих книг: "Приют для списанных пилотов", "Олекул", "Кольбель быстрокрылых орлов", "Юрий Гагарин. Колумб Вселенной", спектаклей "Сербская девойка", "Иннокентий", "Стьордесса" и других — это носители подлинно русских ценностей. Когда я писал предисловие к твоей книге "Добролет", я назвал тебя русским Экзюпери. Ты — не только выдающийся русский писатель, но и прекрасный лётчик, пилот первого класса, командир кораб-

ля. Каким был самый запоминающийся в твоей судьбе полёт и какую свою книгу ты бы посоветовал школьникам прочесть в первую очередь?

Валерий ХАЙРЮЗОВ. Какую мою книгу прочитать? Скорее всего, детскую — "Историю таёжного аэродрома". Ещё, пожалуй, "Юрий Гагарин. Колумб Вселенной". Какой полёт мне больше всего запомнился? Наверное, первый и последний. А так их было тысячи, и ни один не был похож на предыдущий. Что мне дала авиация? Она дала мне профессию, работу, возможность посмотреть на нашу планету сверху. "Самолёт — не цель, он всего лишь орудие. Такое же орудие, как плуг", — писал Антуан де Сент-Экзюпери. И мы, взяв в руки этот плуг, пахали воздушную целину.

Поначалу мир из кабины самолёта казался мне огромным, но после, по привыкнув и освоив уже другие, более современные лайнеры, я вдруг увидел, что наша планета мала и её при взгляде сверху можно было бы при желании обнять руками, как плугос. И, продолжая образную перекличку с Сент-Экзюпери, самолёт можно сравнить с удавом, который заглотил и меня, и моих пассажиров, но обещал выпустить. Спустя 30 лет он это сделал — выпустил меня, посевшего, но целого, с отметиной в лётной книжке 15 тысяч часов полёта, а это, я прикинул чуть позже, — больше двух лет, которые я провёл в воздухе, между небом и землёй, как бы подвешенным на невидимой нити или верёвке. Я пытался на чистых листах бумаги фиксировать то, что видел и ощущал. Работавшая пила лопастей, звук моторов пытались перемолоть весь встававший на пути самолёта воздух и всё небо, обрывки моих дум и мыслей. Сегодня, когда многое позади, я думаю, что эта работа была нужна не только мне. В мой самолёт люди входили и выходили — и это было их движение из одного состояния в другое. Всё живое должно и обязано двигаться и перемещаться. Я пытался понять, зачем и для чего это движение, зачем эти люди на Земле сегодня...

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ. Я долгое время переписывался с писателем и литературным критиком Валентином Яковлевичем Курбатовым. После ухода из жизни Валентина Распутина он писал мне, что остался совсем одиноким, общаться не с кем... Он называл Белова, Астафьева, Распутина последними русскими писателями. Не сразу я понял, какой смысл он вкладывал в понятие "последние". Лишь с прочтением его книги "Каждый день сначала" пришло осознание, что, конечно, писать о деревне кто-то будет, но это будет уже не литература Белова и Распутина, а, значит, Курбатов прав: они последние. Чем чревата для России потеря не только Белова и Распутина, но и той деревенской литературы, которая удерживала "лучшее в человеке — долгую землю и высокое небо"?!

Валерий ХАЙРЮЗОВ. Мне поневоле вспомнилось, как мы летом 1995 года в охваченной тогда войной Югославии, в городе Брчко проскочили под обстрелом посавинский коридор, оставив позади себя взрывы снарядов и ощущение близкой, в нескольких шагах, смерти. Тогда, повернувшись к Распутину, Белов неожиданно спросил: "Валя! Как ты думаешь, нас ещё долго будут читать?" Этот вопрос он, видимо, не раз задавал и себе.

Недавно на конференции "Молодость. Творчество. Современность", проходившей на Байкале, один из обсуждаемых начинающих писателей, рассказывая о своём творчестве и о себе, о западных писателях, на которых он равняется и которым подражает, заявил, что русская культура как более слабая должна быть поглощена западной культурой, а деревенская проза уже почти исчезла. И сделал оговорку: "Ну, возможно, специальная военная операция на какое-то время и задержит процесс поглощения русской цивилизации, но в конечном итоге она обречена". Я спросил, кого он знает из представителей деревенской прозы. — Да чего их вспоминать? — поморщившись, сказал он. — Писали про трактора, гайки, про деревенских пьяниц и чудачков...

— И это всё?! — спросил я.

Ответом мне было молчание. Разговоры о всечеловеческих ценностях, на которые упирали "великие" и "непризнанные", как они считали, писатели, в конце 80-х годов захлопывая двери в наш общий Союз писателей и создавая свои союзы, как были, так и остаются ширмой, из-за которой они диктуют свои взгляды и, не стесняясь, выказывают свои аппетиты. Да, всё это не закончилось с началом спецоперации, а лишь на время отложено. В прошедшем году в Иркутске проходила конференция "КнигаМарт". На неё были приглашены в основном лауреаты всероссийской премии "Книга года", где одним из главных идеологов являлся оппозиционно настроенный к нынешней российской власти русофоб Дмитрий Быков, который после начала спецоперации одним из первых рванул за бугор. В Иркутск были приглашены его "отличники".

Главным лауреатом конференции оказался Дмитрий Данилов с книгой "Саша, привет!". В аннотации которой говорилось, что редко бывают книги, которые ещё до чтения вызывают такой восторг. "До чтения!" А сама книга — о "призрачной свободе" в современной России. По мнению лауреата, человек, живущий в нашей стране, уже с самого своего появления на свет приговорён, а потому априори несвободен.

Я понимаю, что хозяева конференции впряме приглашать всех, кого они считают нужным, вот и приглашают блуждающих "звёзд", которые называют советскую литературу "классическим морокком". Для таких "Тихий Дон" Михаила Шолохова, "Как закалялась сталь" Николая Островского, "Молодая гвардия" Александра Фадеева — всё это давно надо съечь и как можно быстрее забыть...

В последние годы многие литературные мероприятия проходят в Иркутске под флагом Валентина Распутина и Александра Вампилова, которых трудно заподозрить, что они в своём творчестве морочили нам головы. Сегодня их уже нет, возразить или что-то поправить они не в состоянии. Но под их имена к нам в Сибирь приезжают авторы, которые не скрывают, что презирают русскую культуру и, конечно же, советскую Россию, да и ту, в которой мы все сегодня живём. Приглают за казённые деньги и выступают под крышами библиотек, чтобы показать, что они со своими опусами успешны и востребованы. А Сибирь для них — полигон, край непуганых идиотов, наш удел — молчать и проглатывать всё, что подадут.

Но, Анатолий Николаевич, не будем пессимистами! "Последние писатели" — это не для России. Были Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Шолохов, Василий Иванович Белов, Валентин Григорьевич Распутин. Сегодня есть Александр Андреевич Проханов, Владимир Николаевич Крупин, Станислав Юрьевич Куняев... Каждый из них по-своему отразил эпоху, в которой они жили и живут, передавая своими книгами тем, кто придёт им вслед, как и за что можно любить и отстаивать своё Отечество, родной язык и родную землю.

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ. Выработка национальной идеологии, переоценка ценностей, извлечение от преклонения перед Западом, создание русских школ, взращивание национально ориентированной элиты — чтобы всего этого добиться, нужны лидеры, пассионарии с глубоким национальным самосознанием. Есть ли у тебя рецепт возрождения России как великой империи, как русской цивилизации?

Валерий ХАЙРЮЗОВ. Анатолий Николаевич, в самом твоём вопросе есть ответ. Я — не врач, и рецептов у меня нет. Но если обратиться к истории России, то можно отметить одну закономерность: когда власть и народ едины, мы непобедимы. А в том, что мы победим, я не сомневался.

На фото: Валерий ХАЙРЮЗОВ и Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ в Угличе возле знаменитого колокола, который был бит плетью и сослан в Сибирь

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года. Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII. E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: http://zavtra.ru/ Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97. Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarprint.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru.

Тираж 18 950

Заказ № 0455-2023

Дата выхода в свет — 08.02.2023 г. Подписано в печать 07.02.2023 г. в 14.00, по графику — в 14.00

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Ответственный секретарь — Наталья КЕРИМОВА